

15.384К 7

Я. С. ДУХАН

Молодость жива!



В. БАГРИЦКИЙ
1922-1942

П. НОГАН
1918-1942

М. КУЛЬЧИЦКИЙ
1919-1943

Н. МАЙОРОВ
1919-1942

Г. СУВОРОВ
1919-1944

И. ФЕДОРОВ
1913-1942



ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ» РСФСР
Ленинградская организация

Кандидат педагогических наук
Я. С. ДУХАН

«МОЛОДОСТЬ ЖИВА!»

15.384к

2010

ЛЕНИНГРАД
1970

4

Д-85 Духан Я. С.

«Молодость жива!» (О молодых поэтах, павших в боях за Родину). Л., «Знание», 1970. 1,25 п. л.

(О-во «Знание» РСФСР. Ленинградская организация), 20 000 экз., 6 коп.

Перед загл. авт.: Я. С. Духан, канд. пед. наук.

Молодые советские поэты П. Коган, В. Багрицкий, М. Кульчицкий, Н. Майоров, И. Федоров, Г. Суворов прожили короткую, но яркую жизнь. Они погибли на фронтах Великой Отечественной войны, оставив после себя небольшое поэтическое наследство.

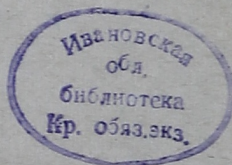
Популярность поэтов-воинов в наши дни объясняется не только их славными биографиями, но и стихами, по-настоящему злободневными и сегодня.

Автор поставил своей задачей дать краткое описание жизненного и творческого пути этих поэтов, проанализировать их стихи, подчеркнув их современное звучание.

Брошюра адресована читателям, интересующимся поэзией.

7-2
36-70

8P2



*... Не погибла молодость,
Молодость жива!*

Э. Багрицкий

Советский народ ценою огромного напряжения и величайших жертв вышел победителем из кровопролитной войны с фашистскими захватчиками.

В эту всенародную победу внесли свою лепту и советские писатели. Более тысячи литераторов, сменив перо на винтовку, сражались на различных фронтах; многие были корреспондентами армейских газет, делили вместе с бойцами и офицерами тяготы фронтовой жизни. Не всем посчастливилось дожить до славного Дня Победы.

Но и те из литераторов, которые оставались на местах, считали себя мобилизованными и призванными. Они сотрудничали в газетах, выступали по радио, в военных госпиталях, выезжали на фронт, всю свою деятельность подчинив разгрому врага.

Уже в начале войны ведущими стали жанры, способные особенно быстро откликаться на события, — публицистика и поэзия.

Никогда еще потребность в поэтическом творчестве не была так сильна, как в минуту военных испытаний, потому что поэты особенно сильно выражали чувства, владевшие всеми советскими людьми: любовь к своей Отчизне, к своему народу, к близким, с которыми разлучила война, верность им и жгучую ненависть к врагам, жажду мести.

Поэзия, взволнованная и искренняя, призывающая к борьбе, была одним из источников нравственных сил сражающегося народа. Никогда еще поэтическое слово не звучало так сильно, как в военные годы. Измученные,

голодные ленинградцы приникали к репродукторам, когда в них звучал голос О. Берггольц, читавшей свои стихи, с волнением слушали стихи Джамбула: «Ленинградцы, дети мои, ленинградцы, гордость моя!»

Люди испытывали острую потребность не только слушать и читать стихи, но и писать их. В эти годы поэтами становились солдаты и рабочие, взрослые и школьники. В стихах, часто незрелых и наивных, они стремились выразить большие гражданские чувства.

Из двухсот семидесяти пяти писателей, павших смертью храбрых в боях за Родину, многие были поэтами. Это были люди разных национальностей, разного возраста, широко известные и совсем неизвестные. Муса Джалиль еще при жизни был крупнейшим поэтом Татарии, руководителем Союза писателей своей республики. Ныне его подвиг и его стихи известны далеко за пределами нашей страны. Советский народ высоко чтит память мужественного патриота: звание Героя Советского Союза и Ленинская премия присуждены ему посмертно.

Погибший в бою под Харьковом в 1942 году Джек Алтаузен, автор поэм «Безусый энтузиаст» и «Первое поколение», был известен как один из первых комсомольских поэтов, создатель образов молодых энтузиастов социалистического строительства. В довоенное время любители поэзии хорошо знали имена Иосифа Уткина, Леонида Вилкомира, Юрия Инге, Елены Ширман и других.

Но среди погибших поэтов были и начинающие. Одни из них при жизни еще не успели ничего напечатать. Другие уже начали публиковать свои стихи. Известность пришла к ним много лет спустя. Только в пятидесятые годы прозвучали их имена: Павел Коган, Михаил Кульчицкий, Николай Майоров, Всеволод Багрицкий и многие другие, кого властно влекла к себе огромная сила, именуемая Поэзией¹.

Разные по мастерству, по творческим принципам, они все же очень близки друг другу. И прежде всего как

¹ Стихи молодых поэтов, погибших во время Отечественной войны, выходили в сборниках «Стихи остаются в строю», М., 1958; «Имена на поверке», М., 1963; «Сквозь время», М., 1964, а также в сборнике «Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне». Библиотека поэта. Большая серия, М.—Л., 1965. Большинство их произведений именно в этих сборниках впервые увидело свет.

люди одного поколения, рожденного между гражданской и Великой Отечественной войнами, принявшего на себя всю тяжесть фашистского натиска, не дрогнувшего перед этим натиском.

Свою любовь к социалистической Родине, которую они славили в стихах, поэты доказали всей жизнью и самой гибелью своей. Жизнь их оборвалась в самом начале творческого пути, но они успели сказать многое о своем героическом времени.

Фамилия одного из них сразу обращает на себя внимание. Багрицкий — это имя известно каждому, кто знаком с историей советской поэзии. Эдуард Багрицкий — один из первых советских поэтов, автор ряда талантливых поэтических произведений, лучшие из которых — «Дума про Опанаса» и «Смерть пионерки» — стали классикой советской литературы. Между ним и другим поэтом, носящим эту же фамилию, но другое имя — Всеволод, — самая прямая связь: это отец и сын. Сева Багрицкий — так называли его родные и друзья.

Всеволод Эдуардович родился в Одессе 19 апреля 1922 года. В раннем детстве, когда семья жила в Кунцеве, а потом в Москве, он пробует писать стихи. В школьном возрасте увлечение поэзией продолжалось, хотя стихи свои мальчик не показывал никому, даже отцу.

У Всеволода жизнь складывалась очень трудно. С 15-летнего возраста он фактически жил самостоятельно. Очень важно, что в период мужания, становления характера рядом с ним находился умный друг, человек большой души и большого таланта — Юрий Олеша, который был родственником Багрицких. Его советы, материальная и моральная поддержка многое дали юноше.

В школе выходил рукописный литературный журнал «Зеркало». Его редактором был Сева Багрицкий. Пожалуй, это единственный «печатный орган», в котором он помещал свои стихи под псевдонимом Всеволод Кунцев. Его тянуло написать большую поэму «Северный полюс» — о папанинцах, но он написал только небольшое вступление белыми стихами, которое сам же раскритиковал. Юноша понял, что стихотворение слабое, но утешал себя тем, что «не сразу же писать хорошие стихи». Багрицкий требователен к себе, самокритичен. «Пишу много, но нравится мне мало», — делится он с матерью в одном из писем.

Стихи молодого Багрицкого носят еще подражательный характер, в них видны следы поиска. Но привлекает в его стихах горячий молодой задор, стремление сделать поэзию трибуной для споров о жизни.

Всеволод работает внештатным литературным консультантом «Пионерской правды», участвует в литературных вечерах, где его принимают не только как сына известного поэта, но и как начинающего одаренного автора.

В эти годы он пробует писать не только стихи. Вместе с друзьями пишет пьесу о студентах. Правда, его роль соавтора ограничилась тем, что он написал несколько пародий и шуточных песен.

Желание писать переполняет его. «Иногда, — пишет он в дневнике в конце 1939 года, — это бывает довольно часто — хочется писать, писать до одурения. Стихи, прозу — безразлично. Чувствую, «как ворочается в тине сердца глупая вобла воображения». Но я никогда не могу довести сюжетной линии до конца. Это происходит не от недостатка фантазии, а от избытка ее».

Весной 1940 года Багрицкий начинает заниматься в театральной студии, которую организовали и которой руководили драматург Алексей Арбузов и режиссер Валентин Плучек. Студия представляла собой коллектив молодых энтузиастов, учившихся не только актерской технике, но и писавших пьесы для себя. Так, коллективно, при активном участии сразу же включившегося Багрицкого была создана пьеса «Город на заре» о молодых героях — строителях Комсомольска, пьеса, впоследствии обошедшая сцены многих театров страны. Затем начинается работа над «Дуэлью», пьесой о молодежи — современниках автора. Над этим произведением Всеволод работал вместе со своими товарищами-студийцами А. Гинзбургом и И. Кузнецовым. Она была закончена, и 19 апреля 1941 года, когда Багрицкому исполнилось 19 лет, состоялась ее первая читка. Отзывы были хорошие. Уже приступили к репетициям, но постановке помешала начавшаяся война.

Как писал Багрицкий, война застала его в Крыму, за мирной игрой в волейбол на берегу моря. Через несколько дней он уже был в Москве. Попытки добровольцем пойти на фронт окончились неудачно: его не взяли из-за слабого зрения, и юноша очень остро это переживал.

В. Багрицкий начинает работать в «Литературной газете», пишет очерки, стихотворения. Одно из них, опубликованное в «Литературной газете» 5 октября 1941 года, он посвятил родному городу, который героически сражался с врагом. В этом стихотворении короткие воспоминания детства сменялись строчками, полными героического пафоса.

*...Одесса, город мой! Мы не сдадим тебя!
Пусть рушатся дома, хрипя в огне пожарниц.
Пусть смерть бредет по улицам твоим,
Пусть жжет глаза горячий черный дым,
Пусть пахнет хлеб теплом пороховым,
Одесса, город мой,
Мой спутник и товарищ,
Одесса, город мой,
Тебя мы не сдадим!*

Это было одно из немногих стихотворений, опубликованных при жизни автора. Образ сражающейся Одессы не раз возникает в его стихах. Это город его детства, «где по весне акации цветут и где арбузы в десять фунтов весом с базаров шумных девушки несут». Эвакуированный в Чистополь, он опять, уже в который раз, подает заявление с просьбой отправить его на фронт. «Я — полз, — пишет он в заявлении, — прошу направить меня во фронтовую печать». Просьба его была, наконец, удовлетворена. В. Багрицкий — литературный сотрудник армейской газеты «Отвага». «Я легко переношу трудности, — записывает он в дневнике, — мне не страшны поездки в открытых машинах по морозу, ночевки в самых неожиданных местах».

Фронтовая жизнь военного корреспондента Всеволода Багрицкого очень лаконично, но выразительно характеризуется им самим в письме к матери от 16 февраля 1942 года.

«...По длинным лесистым дорогам хожу я со своей полевой сумкой и собираю материал для газеты. Очень трудна и опасна моя работа, но и очень интересна. Я пошел работать в армейскую печать добровольно и не жалею. Я увижу и увидел уже то, что никогда больше не

¹ Всеволод Багрицкий. Дневники. Письма. Стихи. М., изд-во «Советский писатель», 1964.

Цитирование писем по этому сборнику.

придется пережить. Наша победа надолго освободит мир от самого страшного злодеяния — войны».

Через 10 дней он погиб. Это случилось в маленькой деревушке Дубовик на Ленинградском фронте, когда рядом с избой, в которой Всеволод выполнял задание редакции, записывая рассказ раненого политрука, разорвалась бомба. Осколками убило обоих.

Он умер на боевом посту, как солдат, и его похоронили, как солдата — с воинскими почестями, недалеко от Чудова, на опушке леса, под сосной, на которой редакционным художником, товарищем Всеволода Е. Вучетичем, была вырезана надпись: «Воин-поэт Всеволод Багрицкий. Убит 26 февраля 1942 года». Ниже написаны несколько перефразированные стихи М. Цветаевой, которые Всеволод любил и часто читал:

*Я вечности не приемлю,
Зачем меня погребли?
Мне так не хотелось в землю
С любимой моей земли...*

За свою короткую, но трудную жизнь он сделал немало. Мог бы сделать больше, если бы не безвременная гибель. Он мог стать наследником поэтической славы отца, и если не достиг его поэтических высот, то в жизни и в литературе, как и отец, был бойцом. И умер, как боец.

В те времена, когда Всеволод Багрицкий занимался в театральной студии А. Арбузова и В. Плучека, многие студийцы разучивали песенку, написанную специально для одного из спектаклей:

*Утром ранним, утром росным
Мальчик пустит в высоту
Из бумаги папиросной
Сокровенную мечту...*

Не все знали автора этих слов, сухощавого и угловатого юношу, немногословного, страстно влюбленного в поэзию, часто читавшего свои и чужие стихи с одинаковой увлеченностью, даже горячностью. Это был студент Литературного института Павел Коган — Паша, Павка, как ласково называли его друзья. Среди своих сверстни-

ков — студентов Литинститута Павел Коган был известен как вполне сформировавшийся поэт. Он занимался в поэтическом семинаре И. Сельвинского, который очень высоко ценил его одаренность и выражал надежду увидеть Павла одним из выдающихся советских поэтов. В сухих строчках официальной характеристики, данной известным поэтом своему ученику, сказано многое: «Активен. Очень культурен. Поэтически высокопринципиален».

Почти ровесник Октябрьской революции (родился в 1918 году в Киеве), Павел Коган по общему признанию был поэтом-романтиком. Его стихи очень удачно сочетают в себе героический пафос, мечтательность и мягкий, иногда даже грустный лиризм.

*И немножко жутко,
И немножко странно,
Что казалось шуткой,
Оказалось раной.
Что казалось раной,
Оказалось шуткой...
И немножко странно,
И немножко жутко¹.*

Не следует упрекать молодого поэта в том, что некоторые его стихи несут подражательный характер. И если в стихах Павла Когана иногда явно ощущается влияние Блока, Э. Багрицкого, Светлова, Тихонова или Сельвинского, то ему нечего стыдиться этой похожести.

Коган был романтиком, но романтичность его стихов особая: она очень близка к фантазии. В ней свои идеалы, свои символы. Это вечные поиски счастья, необычайное жизнелюбие, любовь к людям. Стремление сделать своим лирическим героем человека, постоянно ищущего, рвущегося вперед, делает поэзию Павла Когана близкой современному читателю, особенно читателю молодому. Популярной песней наших дней является когановская «Бригантина», музыку к которой написал друг поэта Георгий Лепский. И хотя мелодия песни красивая, главное в ней все же — текст, потому что нашему поколению импонируют люди «яростные, непохожие», презревшие грошовый уют. Выбор героев «Бригантины» на первый

¹ П. Д. Коган. Стихи. Воспоминания о поэте. Письма. М., «Молодая гвардия», 1966; П. Коган, «Гроза». М., «Молодая гвардия», 1960.

Цитирование отзывов и стихов по этим сборникам.

взгляд кажется странным — флибустьеры и авантюристы, но в них нетрудно угадать условную романтику, за ними видятся те, кто жаждет действий и подвигов, кому «надоело говорить и спорить», кто остается верен долгу и дружбе «и в беде, и в радости, и в горе».

Ранние стихи Павла Когана проникнуты настроением юности, впервые по-настоящему познающей жизнь со всеми ее противоречиями и трудностями.

Восприятие поэтом жизни зачастую проникнуто чувством горечи и боли. Можно согласиться с тем, что такое восприятие является следствием моральной чистоты и легкой ранимости автора, а также объясняется особенностью сложного и противоречивого времени — второй половины 30-х годов. Но дело не только в этом. Павел был человеком, к жизни и к людям относившимся с большой горячностью и требовательностью. Он страстно хотел видеть вокруг себя только хорошее, и часто созданный его воображением образ человека не соответствовал человеку реальному, что становилось поводом для огорчений и разочарования. Он не сумел поначалу разглядеть вокруг себя героев и героическое, и если романтический порыв его стихов во многом соответствовал идеалам его поколения, то в трудовых буднях своей страны он часто не видел романтики, которая, по его мнению, осталась в прошлом — в гражданской войне и первых послевоенных годах.

Справедливости ради следует отметить, что все сказанное выше относится к раннему периоду творчества Павла Когана. В дальнейшем он уловил боевой и тревожный ритм своего времени, и недаром в недописанной главе его романа в стихах имеются такие строчки:

*Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Косая сажень, твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,*

*Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах...*

Здесь уже зрелость мысли и взглядов. В этих стихах поэт видит романтику в жизни, кипящей рядом с ним, а героев — в людях обыкновенных, но которым выпали на долю дела необыкновенные.

Неправильно находить в ранних стихах Павла Когана только трагическое восприятие жизни. Поэт, ищущий в действительности лишь трагическое, не мог бы написать таких взволнованных слов:

*...Пой песни весне,
Пой, да так, чтобы ложь
Люди видели только во сне,
Пой, да так, чтобы нытики
Уши от жути зажали бы.
Чтоб не хватило прыти им
Свои высюжывать жалобы.*

Здесь нет и следа грустного раздумья о неудавшемся, несбывшемся, а звучит голос бойца, который не только сам не признает уныния, но и осуждает тех, кто любит плакаться.

То же настроение чувствуется в известном стихотворении «Гроза», написанном в 1936 году. В динамике строк, подчеркивающей стремительность движения, выражены темперамент и характер самого автора, для которого гроза громом возвещает наступление весны, звенит по траве, «с размаху вышибая дверь в стремительность и крутизну». Гроза для него — символ очищающего, освежающего, символ борьбы. В этом еще больше убеждает последнее двустишие, которое сначала воспринимается несколько неожиданно:

*Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!*

Но неожиданность быстро сменяется ощущением закономерности. Да, это неприятие покоя, равнодушия, обывательского благополучия — всего того, чему поэт нашел обобщающий образ — «овал». Жизнь настоящего человека представляется ему грохочущим составом, мчащимся «сквозь ночь и грязь, тоску и пыль» (стихот-

ворение «Состав»). И сам поэт хочет быть похожим на него:

*А если к горлу — смерти сила,
Стихи и дни перемистав,
Я вспомню лучшее, что было, —
Сквозь ночь бушующий состав.*

О несомненной боевитости поэзии Когана свидетельствуют его «Стихи о ремесле». Они написаны в 1939 году и посвящены другому поэту — партизану Денису Давыдову. В них молодой поэт ведет речь «о нашем славном, о настоящем ремесле» — поэзии:

*Поговорим о нашем честном,
Пока заносит время след,
О ремесле высоком — песни
И сабли — ясном ремесле.*

Неразрывно связаны, даже слиты воедино для Павла Когана оба «ремесла» — песни и сабли. Сопоставление поэзии и оружия — мысль далеко не новая, но здесь важно другое. Для поэта — это его программа, творческая и жизненная, не подражание, а действенное восприятие поэтической программы Маяковского, для которого «песня и стих — это бомба и знамя».

Если внимательно проследить развитие короткой, но яркой творческой биографии Павла Когана, нетрудно заметить, как с каждым годом претерпевает изменение его лирический герой. Дело, очевидно, в мужании и взрослении самого автора, в том, что его отношение к жизни становится серьезнее, понимание действительности и восприятие ее — глубже и четче. Он очень интересуется личностью Н. Щорса, легендарного начдива гражданской войны, собирается создать о нем поэму, пишет вступление к ней.

Его целиком захватывают события в Испании, потому что суровая романтика смертельных схваток с классовым врагом, ушедшая, по его прежнему мнению, вместе с годами гражданской войны, стала достоянием его времени. Он все чаще говорит о своем поколении, о своих сверстниках, у которых свое великое предназначение.

*Мое поколение —
это зубы сожми и работай,
Мое поколение —
это пулю прими и рухни.*

Его поколение — это люди, готовые «полить хлеб своим потом», «если соли не хватит», замотать рану портянкой, «если марли не хватит», это люди, готовые идти на высокий подвиг, потому что они — «лобастые мальчишки невиданной революции». К ним он причисляет себя и гордится этим. Так писал он в декабре 1940 года. Это-то и является знаменательным. Тоскуя в ранних своих стихах об ушедшем героическом времени, теперь он видит в себе и своем поколении наследников, прямых преемников революции.

В целом ряде стихов Павла Когана чувствовались его готовность и огромное желание повести разговор о жизни, о характере и задачах творчества, о себе и своем времени. Незадолго перед войной он начал писать большой роман в стихах. «Первая треть» — таково заглавие этого произведения, которое, по замыслу автора, должно было стать романом-хроникой, подвести итог прожитому, поднять и обсудить наиболее важные вопросы современности. История главного героя Владимира и его семьи (в которой во многом ощущается автобиографичность) дана на фоне характеристики исторической эпохи, ее наиболее значительных этапов.

Из намеченных тринадцати глав полностью написаны только четыре. Трудно сейчас говорить о том, каким получилось бы произведение в целом, но обсужденные в поэтическом семинаре И. Сельвинского первые части получили высокую оценку как участников семинара, так и его руководителя.

В романе чувствуется явное влияние Пушкина и Блока. Привлекает умение автора в сжатой форме дать очень выразительную и образную характеристику важных этапов развития страны, от 90-х годов прошлого века до конца 30-х двадцатого. Здесь мы читаем и о народных вольцах, и о столыпинщине, и о революции, и первых годах социалистического строительства. Рядом с историчностью легко уживается высокая патетика.

*О Родина! Я знаю шаг твой,
И мне не жаль своих путей.
Мы были совестью абстрактной,
А стали совестью твоей.*

Главное в творчестве поэта — судьба его сверстников и единомышленников, их назначение в жизни, их долг

перед страной и народом, их выдержка и испытание на прочность в трудное для страны время.

Работа над романом «Первая треть» была прервана войной.

Она застала поэта в геологической экспедиции. Ему, как и Всеволоду Багрицкому, первоначально отказали в зачислении в действующую армию. Подвело слабое зрение. Тогда он поступает на курсы военных переводчиков, оканчивает их и попадает на фронт. И вот поэт лицом к лицу с войной, о которой он так много размышлял, наступление которой предчувствовал, в победоносном исходе которой был уверен. Но эта уверенность не была бравадой. Он знал, что победа не будет легкой, что ее добудут в жесточайшей борьбе и будет она стоять многих сил и жизней.

*Нам лечь, где лечь,
И там не встать, где лечь.*

*И, задохнувшись «Интернационалом»,
Упасть лицом на высохшие травы
И уж не встать, и не попасть в анналы,
И даже близким славы не сыскать.*

Павел Коган — военный переводчик, затем помощник начальника штаба полка по разведке. «Сколько видел и пережил, — пишет он в одном из писем с фронта, — сожженные немцами села, женщины, у которых убиты дети, и, может быть главное, — людей в освобожденных селах, которые не знали от радости, куда нас посадить, чем нас угощать. Нам всегда казалось, что мы все понимаем. Мы и понимали, но головой. А теперь я понимаю сердцем. И вот за то, чтоб на прекрасной нашей земле не шлялась ни одна гадина, чтоб смелый и умный наш народ никто не смел назвать рабом... я и умру, если надо».

Однополчане вспоминали о нем, как об общем любимце и человеке большой души. Он действительно любил людей, и они платили ему тем же.

Погиб он 23 сентября 1942 года от пули немецкого снайпера на сопке Сахарная голова под Новороссийском, возглавляя группу разведчиков. Ушел из жизни один из рядовых защитников Родины, яркий представитель ее талантливой молодежи, многообещающий литератор. Незадолго до гибели он писал одному из друзей: «Если

со мной что-нибудь случится — напиши обо мне, о парне, который много хотел, порядочно мог и мало сделал».

При жизни Павла Когана ни одно из его произведений не было напечатано. Отдельные его стихи впервые опубликовала «Литературная газета» в 1946 году. Первая книга его стихов «Гроза» вышла в 1960 году. Так много лет спустя после смерти он стал известен широкому кругу любителей поэзии.

Он верил в бессмертие своего поколения, о котором писал:

*Разрыв-травой, травую-повиликой
Мы прорастем по горькой,
по великой,
По нашей кровью политой земле...*

Поэзия Павла Когана близка нам своим современным звучанием. Ее романтическая устремленность, органически сочетающаяся с героикой, искренний патриотический пафос, проблематика его стихов волнуют сегодняшнего читателя.

Почти каждый из молодых поэтов, пришедших в литературу в предвоенные годы, ощущает себя активным участником жизни, бойцом, а не пассивным ее созерцателем. Михаил Кульчицкий не является исключением. Он был всего лишь на год младше Павла Когана, родился, как и тот, на Украине, в Харькове (22 августа 1919 года). Его отец, Валентин Михайлович Кульчицкий — бывший офицер царской армии, принявший революцию, был человеком высокой культуры, любил литературу и сам писал стихи. В советское время он стал юристом и погиб во время немецкой оккупации в концентрационном лагере в 1942 году.

Начав учиться в Харьковском университете, Михаил Кульчицкий затем переводится в Литературный институт в Москву, где так же, как и П. Коган и другие молодые поэты, занимается в творческом семинаре И. Сельвинского, который, говоря словами одного из участников семинара Б. Слуцкого, «умно и твердо муштровал» их. Ранняя поэзия Кульчицкого нуждалась именно в умелом и решительном руководстве. Его первые стихи были не только подражательны — в них было то, что потом стало одним из основных достоинств его творчества: живое на-

блюденіе над жизнью, поиски формы и слова, которое бы наиболее точно и сильно выражало его мысль. И нужен был чуткий и тактичный учитель, который помог бы развиться лучшим качествам способного поэта. Таким учителем и был для него Илья Львович Сельвинский, давший путевку в большую поэзию не одному поколению молодых литераторов.

Кульчицкий имел успех у читателей еще при жизни. Причины этого — не только одаренность, но и трудолюбие. «Он был труженик, — читаем мы в воспоминаниях Бориса Слуцкого. — С самого раннего детства гнул спину над стихами. Написал десятки тысяч слов по-русски и по-украински. Оба языка знал одинаково хорошо. Переводил стихи с нескольких языков»¹.

Увлечение Кульчицкого поэзией В. Хлебникова и В. Маяковского оставило заметный след в его творчестве. Молодой поэт был горячим сторонником боевой, действенной поэзии, резко выступал (иногда, может быть, впадая в крайность) против лирических стихов. Любопытно, что лирическая, в частности любовная, тема в его творчестве почти отсутствует.

Он считал себя поэтом-солдатом и был таковым по существу.

*...Славно солдат революции,
Мечтающих над строфою,
Распиливающих деревья,
Падающих на пулемет!*

Преемственность поколений он видел прежде всего в борьбе. Не случайно ему чудился определенный смысл в том, что он родился в тот день, «когда убили в поле Щорса».

М. Кульчицкий явственно ощущал, как и его поколение, надвигающуюся схватку с фашизмом:

*Военный год стучится в двери
Моей страны. Он входит в дверь.*

Он знал, что примет участие в ней: «Наперевес с железом сизым и я на проволку пойду». Война виделась

¹ М. Кульчицкий «Самое такое». Харьков, 1966. (Вступительная статья).

Цитирование стихов по этому сборнику.

ему во всей своей некрасивости, будничности, крови.

*Война совсем не фейерверк,
А просто — трудная работа.*

И он должен был готовить себя к этой работе, и оказался готовым к ней.

Он хотел, чтобы «мир стал больше и синей, — чтоб была на песни больше жажда». В своих стихах поэт часто говорит о человечности, о доброте, о внимании и любви людей друг к другу. Его поэзия проникнута мечтой о счастье всего человечества, но это счастье завоевывается в борьбе, и поэтому он считает себя романтиком «разнаипоследних атак».

И основной мотив его поэзии — борьба — тоже часто полон романтического звучания. Это связано, в первую очередь, с идеями Революции, с героикой гражданской войны, которые важно не утратить, а пронести через всю жизнь и сохранить в мире будущем.

Несомненно, что Маяковский во многом был идеалом для поэта, начинающего и ищущего. Об этом говорит, в частности, и стихотворение «Маяковский», в котором великий поэт изображен «как памятник и как совесть», а его появление олицетворяет наступление новой эры: недаром громоподобное «Молчать!», которое он адресует гибнущему старому миру, поддержано грохотом пушек «Авроры».

Молодой поэт бескорыстно предан Революции, чужд нравственных компромиссов, если дело касалось глубокого, партийного восприятия жизни. «Ведь я чего хочу, — сказал он как-то одному из своих друзей, — только чтоб все мои стихи впечатать в книгу подсумочного формата, пусть с фамилией, пусть и так».

В начале 40-х годов Кульчицким написана поэма «Самое такое» — взволнованное произведение о Родине, которое многие критики считают лучшим из всего написанного им. Поэма состоит из семи частей. Автор ее намеревался дать картины прошлого, настоящего и будущего родной страны.

Здесь же он пишет о своем призвании, о беззаветной преданности поэзии, без которой он не мыслит себя.

*Может,
не будь стихов на свете,
я бы родился,
чтоб их сочинить.*

«Самое такое» — страстный, искренний рассказ о России, и когда Кульчицкий читал поэму перед большой аудиторией (а читал он, как вспоминают современники, удивительно), то слушатели замирали. Такое впечатление создавалось от полного слияния мыслей и чувств со словесным их выражением. Образы поэмы зрительно ощутимы: «гранитная площадь Дзержинского сера, как его шинель», «и высунула молния язык», «пульс ручьев шумит», «и всадники проносятся со свистом вертящихся пропеллерами сабель», «пресс-папье покачивалось, как танк». Конечно, в его стихах немало и слабых мест, были и просто неудачные строки. Но это все издержки роста, которые в полной мере покрывались страстной убежденностью и безошибочным умением видеть и чувствовать главное. Вот почему стихи Кульчицкого еще в предвоенное время воспринимались как боевые, таящие в себе огромные возможности пропагандистского и воспитательного характера. Недаром его и других молодых поэтов часто приглашают в воинские части, они выступают как агитаторы, их стихи берутся на вооружение. Кульчицкий с удовлетворением вспоминал потом свои выступления перед военными, так как читал стихи тем, для кого их писал.

Он знал, что будет война, но, как и для всех, она нагрянула для него неожиданно, когда он был в доме отдыха. В тот же день он в Москве, в военкомате — с просьбой отправить его на фронт. Его зачислили в истребительный батальон, сформированный в основном из студентов Литинститута. Батальон был через несколько месяцев расформирован, и Кульчицкий вместе с товарищами вновь приступил к занятиям. Но он не мог сидеть в аудитории, когда враг рвался к Москве, когда шла битва, к которой он считал себя пригодным и готовым.

Кульчицкий — сотрудник фронтовой газеты, но это не удовлетворяет его. Он поступает в пехотно-минометное училище, заканчивает его в звании младшего лейтенанта и в конце 1942 года получает назначение на фронт. Именно в эти дни им были написаны строки:

*...На бойцах и пуговицы вроде
Чешуи тяжелых орденов,
Не до ордена.
Была бы Родина
С ежедневными Бородино.*

Михаил Кульчицкий, командир минометного взвода, пал смертью храбрых под Сталинградом 19 января 1943 года.

К сожалению, не сохранились стихи и дневники, которые он писал и вел на фронте. Но даже то немногое, что осталось нам в наследство от поэта-бойца, не утратило и в наши дни своего боевого звучания. Стихи эти призывают к борьбе, помогают сражаться и воплощать в жизнь великие идеи Революции.

Николай Майоров был старше Михаила Кульчицкого всего лишь на три месяца. Он родился 20 мая 1919 года в деревне Дубовка под Сызранью, в трудовой семье. В 1929 году семья переехала в Иваново — город рабочих. После окончания средней школы в 1937 году Николай поступает на исторический факультет Московского университета. Через два года он начинает посещать поэтический семинар в Литературном институте.

Руководитель семинара Павел Антокольский вспоминает: «Был он, кажется, выше среднего роста, с лицом серьезным и сосредоточенным, был немногословен и чуть неуклюж. В стихах его звучала воспитанная самой жизнью, а не вычитанная в книгах, обязательных для студента-историка, любовь к истории родной земли.

Николаю Майорову не приходилось искать себя и свою тему. Его поэтический мир с самого начала был резко очерчен, и в самоограничении он чувствовал свою силу»¹.

П. Антокольский правильно отметил: тематика стихов Н. Майорова определялась его мироощущением, ему особенно были близки поэты Кольцов, Есенин, несколько позже — Бунин.

Влияние есенинского творчества на начинающего поэта особенно ощутимо в его ранних стихах о природе.

¹ Н. Майоров. «Мы». М., «Молодая гвардия», 1962. (Вступительная статья).

Цитирование стихов по этому сборнику.

Он стремился к тому, чтобы она выглядела у него по-есенински осязаемой, живой.

*Я полюбил весомые слова,
Просторный август, бабочку на раме
И сон в саду, где падает трава
К моим ногам неровными рядами...
Полдневный зной под яблонями тает,
на сизых листьях теплой лебеды.
И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери-воды.*

И темы и герои его стихов — тоже конкретные, реальные, характерные для 30-х годов. Он пишет о Горьком, о Чкалове, о строительстве Комсомольска и Магнитки, обо всем, что в то время интересовало и волновало всю страну.

В его стихах часто встречается поэтический образ высоты. Она становится для него символом, к ней он стремился в своем творчестве, понимая, что достигнуть ее не просто, что «суждено сначала падать, а высота придет потом». В творчестве он видел активный процесс, связанный с огромным трудом, преодолением лишений, ограничением желаний и обязательно с вдохновением, радостью созидания. Свой взгляд на природу искусства он особенно удачно сформулировал в одном из лучших своих стихотворений — «Творчество»:

*Есть жажда творчества,
Уменьше созидать,
На камень камень класть,
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.*

«Творчество» — одна из частей большой поэмы «Ваятель», очень серьезного произведения, над которым Майоров работал в 1940 году и которое, к сожалению, дошло до нас только в небольших отрывках. Об утраченной поэме стоит пожалеть еще и потому, что, по мнению друзей Николая, она была лучшим его произведением, программным, художественно совершенным, если судить по сохранившимся отрывкам.

Рядом с этой поэмой можно поставить стихотворение «Рождение искусства», которое было написано несколько раньше. В нем образно рассказывается о том, как первобытный человек впервые увидел прекрасное рядом с собой, ощутил красоту жизни. Так родилось искусство.

*Влюбляясь в жизнь, он выдумал искусство
И образ твой в пещере изваял.*

Проблемы творческого труда, искусства всегда волновали Николая Майорова, были одними из основных в его поэзии.

В небольших отрывках сохранилась также другая большая поэма Майорова «Семья», над которой он работал примерно в то же время, что и над «Ваятелем». «Ваятель» — вещь философская, «Семья» — произведение эпическое, рассказывающее о годах коллективизации, о борьбе двух миров, о традициях отцов, воспринимаемых детьми.

Майорову не нужно было изучать жизнь старой деревни. Он хорошо знал ее по впечатлениям детских лет, по рассказам родителей, и поэтому сцены старого деревенского быта у него получались яркими, выразительными, порою даже натуралистичными, крестьянские типы — убедительными, живыми. Вот одна из картин — смерть деда:

*Он делал стулья и столы
И, умирать уже готовясь,
Купил свечу, постлал полы
И новый сруб срубил на совесть.
Свечу поставив на киот,
Он лег поблизости с корытом
И отошел. А черный рот
Так и остался незакрытым.
И два громадных кулака
Легли на грудь. И тесно было
В избенке низенькой, пока
Его прямое тело стыло.*

Сцены деревенского быта изображены в отрывке «Что я видел в детстве». Здесь выразительно многое: и «косых палатей смрад и вонь», и «икона в грязной серой раме». Но главное здесь все же не в картинах детства, «оборванного донага», а в поэтическом обобщении, следующем за эпизодом, в котором мальчик наблюдает за неравной схваткой мухи и паука:

*И понял я, что век от века,
Не вняв глухому зову мук,
Сосал, впиваясь в человека,
Огромный холеный паук.*

И мальчик клянется «палатами косыми», «уродством родичей своих», что за судьбу своего народа он многое просит с врага.

Поэма во многом автобиографична, но целиком как историю жизни автора ее принять нельзя. Многое обобщено и типизировано. Это скорее осмысление эпохи через собственное восприятие. Поэту не пришлось завершить свое произведение. Но и по сохранившимся отрывкам видно, каким широким был эпический размах поэмы — произведения яркого, самобытного, отмеченного признаками большого таланта.

Интересно, что, по воспоминаниям друзей, Николай Майоров не собирался стать профессиональным поэтом, хотя писал много и увлеченно. Он полагал, что писателем может стать только тот, кто по-настоящему талантлив, а таким он себя не считал. Можно отнести эти слова на счет скромности молодого поэта, но они в то же время говорят о большой серьезности, с которой он подходил к литературе.

Поступление на исторический факультет не было случайным: одновременное увлечение историей и литературой самым благоприятным образом сказывалось на творчестве Майорова. К изображению событий он подходит с глубоким историческим осмыслением. И стихотворение «Ленин», которое он написал в 1937 году, создано поэтом-историком.

Появление Ленина исторически обусловлено.

*И всем он был необходим.
И бредила — в мечтах носила —
Быть может, им и только им
В тысячелетиях Россия.
И он пришел...*

Как и многие поэты его поколения, Майоров писал о надвигающихся грозных событиях. Стихотворения «Париж весной 1940 года», «Как воруют небо», «Стихи про стекольщика» и др. — в них не предугадывается будущее, они о настоящем: в Европе тогда уже бушевала война. Но Майоров не просто переносит нас в тревожную атмосферу Парижа или Лондона — в стихах звучит

грозное предупреждение о грядущей опасности, они обращены к своим соотечественникам: готово ли его поколение к тяжелейшим испытаниям, выдержит ли, не спасует? Майоров был твердо уверен в том, что молодежь Страны Советов — это племя людей с крылатыми душами и огненными сердцами. О себе, о своем поколении говорит он в великолепном стихотворении «Мы», написанном в 1940 году. Это стихотворение — программное и, пожалуй, лучшее из гражданской лирики Николая Майорова, оно особенно взволнованно воспринимается современным юным читателем. Он узнает из него о молодых людях 30-х годов, о самом времени, когда «упрямой жизни в каждом человеке железом обозначены следы».

*Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.*

Как не вспомнить разговор «во весь голос» с потомками Маяковского, рассказавшего «о времени и о себе» людям будущего. Влияние вступления Маяковского на стихотворение Майорова несомненно, но рассказ о своих сверстниках молодой поэт ведет по-своему, находит свои образы. Майоров, обычно стремившийся к простоте, стихотворение «Мы» наполняет горячим патриотическим пафосом. И оно очень органично входит в творчество поэта. Не случайно и название. Майоров объединяет себя со своим поколением бойцов и строителей, вот почему «я» и «мы» у него часто равнозначны.

Верно и точно здесь изображена эпоха, наступательный порыв людей, романтика трудовых будней:

*Мы жгли костры и вспять пускали реки,
Нам не хватало хлеба и воды...
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.*

Ощущение времени в этом стихотворении удивительно. В живых красках Майоров стремится передать мо-

лодежи будущего мужественные черты своего поколения. Поэт чувствовал и знал, что в грядущей битве многие отдадут свои жизни, и ему хотелось рассказать о героическом поколении без малейшей позы, бравады, но так, чтобы будущий читатель почувствовал и его трагедию и его необыкновенную силу:

*Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.*

Он прекрасно передал в лаконичной форме стремительный, неуспокаивающийся характер своих современников, сделавших многое, но готовых к новым испытаниям.

*Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.*

Выражая в стихах готовность к предстоящей борьбе, Майоров и на деле оказался готовым к ней. В первые же дни войны он подает заявление в военкомат с просьбой отправить его добровольцем на фронт. И пока это заявление рассматривалось, он побывал у родных в Иванове, копал противотанковые рвы под Ельней. Но вскоре пришло известие из Москвы о том, что его просьба удовлетворена.

Ему предложили учиться в Ярославском военном училище. Он отказался. Его хотели устроить в агитбригаду. Он отказался. Яркий выразитель духа своего времени, он чувствовал, что его место там, где «руки пахнут угрюмой песней верного свинца».

Политрук пулеметной роты Николай Петрович Майоров погиб 8 февраля 1942 года около деревни Баранцево на Смоленщине, недалеко от Гжатска. Там же он и похоронен.

В бою пал «веселый и нескладный», как он сам называл себя, но «удивительно прямой» человек. Он себя не отделял от своего боевого поколения, в бессмертие которого верил. Об этом говорит одно из последних его стихотворений:

*Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
Лежать навтыяжку и приоткрыть гробы, —
Мы слышим гром преддуренной пальбы,
Призыв охрипшей полковой трубы
С больших дорог, которыми ходили.
Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них потомки говорят¹.*

Николай Майоров, как и В. Багрицкий, П. Коган и М. Кульчицкий, сложился как поэт, в основном, в предвоенные годы. Поэтическое дарование Георгия Суворова обрело зрелость только в горячие дни боев, когда то, что наполняло его самого, было его жизнью, стало содержанием его стихов.

Георгий Кузьмич Суворов родился в 1919 году в Хакасии. Рано лишившись родителей, он после окончания школы поступает в Абаканский педагогический техникум. Георгий рано стал писать стихи и рано начал печатать их в краевых газетах. Это были искренние, юношески звонкие стихи, но они мало чем отличались от других, напечатанных рядом.

С первых дней Отечественной войны он в строю. Сначала в стрелковой роте, потом в легендарной Панфиловской дивизии, затем в частях, оборонявших Ленинград.

Там, в осажденном Ленинграде, он подружился с Михаилом Дудиным, познакомился с Николаем Тихоновым, который одним из первых обратил внимание на его светлое дарование, а десять лет спустя написал проникновенное предисловие к посмертному сборнику его стихов².

«У него была сильная воля и открытая душа, — вспоминает Н. С. Тихонов. — Когда осколок вражеской мины под Ельней вонзился ему в грудь, он сам вырвал его, стиснув зубы, чтобы не застонать.

Он любил глубокой любовью свой далекий сибирский край... Он никогда не видел Ленинграда. Война привела его в окопы под городом, о котором он знал

¹ «Новый мир», 1963, № 5, стр. 147.

² Георгий Суворов. «Слово солдата». Лениздат, 1944.
Цитирование стихов по этому сборнику.

только из книг, из стихов, который любил до страсти. Его полевая сумка была переполнена стихами. Он в разрывах снарядов, в дымных ленинградских ночах, в непрерывных фронтовых перестрелках и схватках искал поэтическое слово... Он читал стихи в блиндажах, окопах, перед атакой, на тех пятачках, что простреливались насквозь, в болотах, окутанных пороховой гарью, на отдыхе под соснами, расщепленными осколками бомб и снарядов. У него не было времени отделять стихи, не было времени думать об отвлеченных темах. Он писал свои строки как дневник непрерывной борьбы с врагом, писал с предельным волнением патриота, настоящего сына замечательной Родины, с упорством молодого коммуниста, с жаром подлинного энтузиаста».

Стихи Г. Суворова типичны для поэтов военного поколения и вместе с тем очень своеобразны. В основу своего творчества он кладет то, что было им самим увидено, прочувствовано и пережито. Для Суворова характерны простые интонации, близкие к разговорным.

*Средь этих нив я собирал слова —
То пестрые, как вешняя долина,
То строгие, как горная вершина,
То тихие, как на заре трава.*

Поэт, рожденный войной, Суворов вполне закономерно вводит в свои стихи тему жизни и смерти. Иногда в них отчетливо звучит предчувствие своей гибели. Однако главным мотивом творчества Суворова является вера в победу над врагом, вера в людей, воюющих рядом с ним, вера в жизнь, ради которой осмысленной является смерть.

*Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина...*

Эта уверенность и делает его стихи жизнеутверждающими.

Георгий Суворов был совершенно чужд какой-либо идеализации суровых и жестоких событий войны. Но он и не сгущал краски, а старался просто, конкретно говорить о том невероятном напряжении сил, которым добывается победа. «Мы штурмовали стены городов ценой

нечеловеческих усилий», — писал он, и трудно сказать более просто и вместе с тем более убедительно.

Читатель всегда видит, что побудило поэта в том или ином случае взяться за перо.

Небольшое стихотворение «Чайка». Осажденный Ленинград, серая гладь Невы и море огня, в самом центре которого серебристая чайка. Зачем она в самом центре огненного вихря? Несколько раз повторяется тревожное «зачем?». И ответом служит собственная жизнь, собственная молодость, а бесстрашная чайка становится символом жизнелюбия, борьбы.

*И крикнул чайке я:
— Держись!
Коль любишь жизнь —
Борись за жизнь!*

Суворову, как и многим поэтам его поколения, была очень близка тема фронтовой дружбы.

Михаил Дудин пишет о своем друге: «Он был человеком широкой общительной души, поэтому среди его стихотворных записей так много посвящений боевым товарищам по оружию». Вот отрывок из одного из них:

*Мы вышли из большого боя
И в полночь звездную вошли.
Сады шумели нам листвою
И кланялися до земли.
Мы просто братски были рады,
Что вот в моей твоя рука,
Что многие пройдя преграды,
Ты жив, и я живу пока.*

Герои его стихов — такие же солдаты войны, как и он сам, с ними он идет «труднейшей из дорог» и вместе с ними готов «на самое большое испытание идти сквозь бурю, сквозь огонь и дым».

Каждый из них готов пожертвовать собой ради победы, и если их настигала смерть, то падали лицом на запад, как молодой боец-автоматчик, о котором поэт написал в стихотворении, так и названном — «Лицом на запад»:

*Покамест кровь в груди кипела,
Пока могла держать рука
Оружия тугое тело —
Он дрался. Он сражал врага.*

Георгий Суворов любил пейзажи. Чаще всего он показывает природу, в которую ворвалась грозная сила войны. Например, в стихотворении «Над лесом взмыла красная ракета» описан пейзаж, озаренный пламенем сражения, когда «от грохота раскалывались тучи», «приблизили багровый час рассвета орудий вороненные стволы» и «земля горела, плавилась броня». В других стихах мы видим «выжженное поле», «выбоины на земле», видим, как «после огневого боя расправил шапки веток бор».

Но есть у него и чисто лирическое восприятие природы, которая приобретает особую прелесть, сохраняя жизнь, красоту рядом с грохотом и пожаром войны. И природа становится для него символом всепобеждающей жизни.

*Природы бессловесный крик
Поймай и всей душой почувствуй.
В ней нет ни мысли, ни искусства, —
Но в ней источник сил твоих.*

Стихотворения «Косач», «Брусника», «Лохматый ровод холмов», «Пламени и стали гулкий вал», «Теткин ручей» и поэма «Сибиряк на Неве» — особенно удачные вещи.

Он любил родную Сибирь как часть необъятной Родины. Слова любви к родному краю в стихах Суворова просты и будничны. Но именно в этой простоте чувствуется настоящая, большая привязанность к дорогим солдатскому сердцу местам.

Воспоминаниями о юности начинается самое значительное произведение из того небольшого, что написано Суворовым, — небольшая поэма «Сибиряк на Неве».

*Помню я кедровые орешки,
Бурые, как соболинй глаз,
Парня рябоватого усмешки,
Шнур тропы, к костру ведущий нас.
Помню гор безоблачные шири,
Кедров голубые облака,
Ясную голубизну Сибири,
Грань серебряного ледника.*

Герой поэмы — «простодушный, синеглазый, рябоватый» парень с буйной широкой душой. Он любит свою тайгу, чувствует себя хозяином в ней.

Но вот война. Молодой охотник — на фронте, он защищает город Ленина.

*Тут в траншее под свинцовой вьюгой
Я опять нашел сибиряка.
Он считал Сибирь своей подругой,
Он под Ленинградом бил врага.*

Не менее значительной представляется и «Невская баллада» — взволнованный, очень эмоциональный рассказ о боевых делах защитников Ленинграда, дравшихся за каждый клочок земли, за каждый пятак.

В крылатом слове стиха воплотил молодой поэт идею бессмертия. Он рассматривал его как законное право своих сверстников на память потомков, на их признательность. Люди погибали за то, «чтобы звончей, еще чудесней летела песня утром на ветру».

В стихотворении «Я славлю вас, герои!» тема бессмертия воплощена особенно просто, но вместе с тем точно и благородно.

*Я славлю вас, герои! Обо мне ж —
Никто не скажет и никто не спросит.
Я с вами вместе выйду на рубеж,
Что б увидеть вас в тихий час предгрозя.
Когда ж найдут меня средь мертвых тел,
С улыбкой грустною кивнут на ветер:
«Он весело страдал и сладко пел...»
А может быть, и вовсе не заметят.
Ну, что ж! Я буду счастлив даже тем,
Что сын героя мой листок поднимет, —
И прозвучит ему героя имя
Во всей неповторимой простоте.*

Он ошибся только в одном. О нем сказали доброе слово те, кто рядом с ним воевал, кого он сделал героем своих стихов, и те — сыновья героев, — которые сегодня, читая его стихи, с благодарностью и глубоким почтением называют имена победителей смерти.

Георгий Суворов погиб на переправе через Нарову. Случилось это 13 февраля 1944 года. Блокада была уже прорвана, и наши войска вели широкое наступление по всему фронту.

Вскоре после его гибели М. Дудин отобрал лучшее из того, что успел написать Суворов, и издал в маленькой книге, дав ей название «Слово солдата». Так хотел назвать свою первую книгу сам поэт, только он ее не уви-

дел. В 1954 году под этим названием книга вышла двумя изданиями — на родине поэта и в Ленинграде.

5 сентября 1942 года при форсировании Невы под Невской Дубровкой погиб ленинградский поэт Иван Николаевич Федоров. Его творчество довольно обширно (им написано более двухсот стихотворений и несколько небольших лирических поэм), но имя его известно только узкому кругу читателей. И дело не в бесталанности автора (это был очень способный поэт), а в том, что печатался он при жизни мало — в нескольких ленинградских журналах, а отдельной книгой стихи его вышли только 20 лет спустя после его смерти.

Иван Федоров родился 1 января 1913 года в деревне Нежданово Старицкого уезда Тверской губернии. Учился сначала в четырехлетней школе села Глухово, находящегося недалеко от родной деревни, так как в Нежданово своей школы не было.

Как вспоминает мать поэта Анна Михайловна, мальчик еще с первых лет учебы любил «сочинять». Кроме того, он вел дневник, как только научился писать.

Окончив глуховскую школу с отличием, Иван Федоров продолжал учебу в семилетке большого села Лодзино того же уезда.

С 1928 года семья Федоровых живет в Ленинграде. После окончания ФЗУ Иван получает специальность столяра-краснодеревщика и начинает работать на заводе имени Воскова, затем в мастерских Академии художеств и на ряде судостроительных предприятий города. Он был прекрасным специалистом, большим мастером своего дела и дело это любил. Но было у него еще одно увлечение, которому он отдавал все свободное от работы время, — поэзия. Стихи он начал писать еще школьником, продолжал писать их и будучи рабочим. Творчеству Иван отдавал вечера и ночи, днем он работал на производстве. «Мы не могли понять, — вспоминает А. М. Федорова, — когда он отдыхает, спит. В какое бы время ни проснулся, видишь Ваню склоненного над столом: читает, а чаще всего пишет, пишет. Часто у него от переутомления шла носом кровь»¹.

¹ Записано со слов А. М. Федоровой в 1969 году.

В конце 30-х годов в ленинградском Доме писателя на улице Воинова 18 ежедневно проходили занятия творческого семинара молодых литераторов. Руководителем и душой этого объединения был Александр Ильич Гитович. Костяк семинара составляли в основном молодые поэты, впоследствии получившие широкую известность: В. Шефнер, А. Чивилихин, Л. Хаустов, Е. Рывина, В. Лифшиц, А. Лебедев и другие. Участвовали в его работе и литераторы старшего поколения, например Михаил Троицкий.

У некоторых поэтов, работавших в объединении, уже были опубликованы книги стихов. Почти все они много и часто печатались. Такие журналы, как «Литературный современник», «Резец», «Ленинград», охотно предоставляли им свои страницы.

С 1940 года собрания стал посещать Иван Федоров. Он позже других всерьез стал заниматься поэзией, и ему пришлось догонять своих товарищей. В большинстве они были студентами или уже имели высшее образование. Иван, не сумевший окончить среднюю школу, восполнял пробелы своего образования колоссальной работой, чтением. Он очень интересовался историей, хорошо знал классическую литературу.

Поэт Л. И. Хаустов вспоминает: «Иван Федоров был немногословный, сдержанный, скупой в оценках человек. Он очень серьезно изучал поэзию и неплохо ее знал. Часто говорил о Хлебникове, Блоке. По-моему, он многому учился у них.

Мы знали, что он работает на заводе. Нам достаточно было посмотреть на его руки: большие, натруженные руки рабочего человека. Мы знали также, что ему приходится нелегко, ведь у него была семья, двое детей. Нам всем он нравился своими короткими, но точными оценками, нравились его стихи, в которые он вкладывал свой жизненный опыт, свое знание и зрелое понимание действительности»¹.

Однажды Михаил Троицкий прочитал на объединении цикл «Застольные стихи». Это были в основном дружеские тосты, послания, шутки, их отличал искрометный юмор, сочность и многообразие красок. М. Троицкий не предназначал эти стихи для публикации, но одно из них

¹ Записано со слов Л. И. Хаустова в 1969 году.

под названием «Калган»¹ вскоре было напечатано в «Литературном современнике».

Через некоторое время Иван Федоров ответил М. Троицкому стихотворением «Певцу калгана». Это стихотворение было напечатано только частично, а целиком сохранилось в памяти тех, кто присутствовал на вечере, на котором его читал поэт.

Впервые широкому кругу любителей поэзии оно стало известно лишь в 1968 году, когда Л. И. Хаустов прочитал его во время молодежной телепередачи.

«Певцу калгана», как вспоминает Леонид Иванович, произвело на всех присутствовавших очень сильное впечатление, так как поэт в нем выразил характерную для всего поколения тревогу за сохранность ценностей мировой культуры в связи с надвигающейся войной.

И хотя прошло более 25 лет, это стихотворение от слова до слова сохранилось в памяти тех, кто его тогда читал и слушал.

*Прославленный калганный пьешь настой,
До капли пей, не оставляй в посуде,
О женщине доступной и простой
Грусти печален, кто тебя осудит?
Но умолчи, назвавшийся поэтом,
Про грусть свою. Кому она нужна?
Есть нищета, есть горе в мире этом,
Есть в мире этом голод, есть война.
Когда плывут по мутным водам Соммы,
По бурным водам Марны² мертвецы, —
Кому поможешь проповедью сонной
О благостыне стансов и терцин?
Когда навис над Лувром дым Помпеи,
Когда мортиры рушат Роттердам,
Поэты содрогаются, — пигмеи
пророчат вечность собственным трудам.*

Стихотворение несколько декларативно, да и технически далеко не совершенно. Но следует учесть, что оно было написано экспромтом как поэтический ответ и не предназначалось для публикации. Нет сомнения в том, что если бы Федоров готовил это стихотворение к печати, он бы его тщательно отредактировал.

¹ Калган — травянистое растение, настой которого имеет целебные свойства.

² Марна и Сомма — реки во Франции, на которых во время первой мировой войны произошли кровопролитные сражения.

Творчество Ивана Федорова отличается постоянным поиском: поиском темы, поиском стиля, нужного слова, которые бы наиболее точно выражали его мысль. В его стихах привлекает умелый отбор образов. Друзья вспоминают, как кропотливо трудился он над каждым словом, стремясь к тому, чтобы оно было простым и в то же время единственно верным. Он обладал качеством, которое свойственно только настоящему поэту: умением видеть жизнь, находить красоту и поэтичность в предметах и явлениях, которые на первый взгляд кажутся малоинтересными, мимо которых человек, лишенный поэтического воображения, пройдет равнодушно. Способность увидеть прекрасное в обыденном, примелькавшемся дана не каждому, но подлинное искусство заключается в умении передать красоту, открыть ее другим. Это-то и отличает большую поэзию.

Иван Федоров, как уже отмечалось, умел находить нужные краски для выражения и утверждения жизни. Он знал и любил природу. В своих лирических стихотворениях он не всегда дает картины природы, но в них отчетливо видны определенные приметы времен года. Поэтому так легко выделить в его стихах циклы — «Зимняя лирика», «Осенняя лирика», «Приметы осени».

Вот как воспринимает поэт зиму в одном из стихотворений:

*За калитку выйдя поутру
И глаза зажмурив на ветру,
Оступиться, рухнуть на тропу,
Окунуться в белую крупу —
В рыхлый снег зарыться с головой,
Громкий смех услышать над собой.
И запомнить все...¹*

Не менее выразительно даны в его стихах картины осени, весны. Он умел находить не только нужные слова, но весьма умело пользовался выразительными средствами. Особенно удачными в его строчках были метафоры, необычные, очень своеобразные. Весна, например, «ласковым лучом... струится в полдень хмурый», он ощущает в себе «дремучего ельника душу», видит, как «деревья вековые глядят на юг, — вся роща гостя ждет».

¹ Иван Федоров. «Весна в Нежданове». М.—Л. Изд-во «Советский писатель», 1962.

Дальнейшее цитирование по этому сборнику.

Даже те немногие стихотворения, которые сохранились и дошли до нас, дают все основания предполагать, что в лице Ивана Федорова советская поэзия имела одного из значительных певцов русской природы. Но талант его сказался не только в этом. Стихи Федорова отличаются прежде всего серьезное мышление, гражданственность, мужество.

Очень часто он шел от факта к размышлению, то есть писал в стиле, близком лучшим произведениям современной философской лирики. Он видел детей, игравших в папанинцев, в чапаевцев, в буденновцев, и приходил к выводу, что

*Есть не в пример наукам хитрым
Совсем нехитрая одна:
Распознавать по детским играм,
Чем озабочена страна.*

Он учил своих сверстников ценить удачу, быть всегда приветливыми, простыми и строгими, чистыми сердцем и богатыми разумом. «Откроешь дверь — переступай порог; решив одну — другую ставь задачу», — писал он в одном из своих стихотворений.

Иван Федоров очень серьезно подходил к вопросам назначения поэтического труда. Это отразилось в небольшом стихотворении, не имеющем заглавия:

*...Всегда одно поэта ремесло:
Быть верным сыном своего народа,
Всем дорожить, что Родиной дано...*

Долг поэта Федоров видит в том, чтобы наполнить жизнь любовью, дружбой, а если потребуется, то и ненавистью, «день и ночь готовой к оружию». Поэт обязан

*...Быть вестником побед.
Народ рождает золотое слово,
А высказать его рожден поэт.*

Особенно следует отметить в творчестве И. Федорова историческую тему. Те, кто знал его, вспоминают о том, с каким вниманием поэт относился к героическому прошлому своей страны и города, который стал для него родным и который ему довелось впоследствии защищать в минуты смертельной опасности. Стихотворение «Санкт-Петербург» воспроизводит картину строительства города

на Неве, в нем воссоздан образ Петра I. Влияние пушкинского «Медного всадника» в этом стихотворении особенно ощутимо, но в целом — это оригинальное произведение. В нем хорошо передана атмосфера строительства города, роптание подневольных и твердая воля Петра, который был «упрям в работе плодотворной», работал «на лесах, весь на виду», добивался того, чтобы страна была покорной «его стремлениям».

*Понять помогут вымпела,
Что воля Росса породила
И что Россия создала.*

Стихотворение «Памятник восстанию» посвящено событиям на Сенатской площади 1825 года. Но героем его является не декабрист, член тайного общества, а простой мужик, строитель незавершенного тогда Исаакиевского собора, который, олицетворяя собой народ, благословляет «гвардейцев смелую затею», а затем и поддерживает их, метнув в царя «согретый кровью сердца камень», который он держал за пазухой.

В конной статуе Петра поэт видит памятник не столько царю, сколько Пушкину, обессмертившему Медного всадника в своих стихах («Памятник поэту»).

И славя свой город, он создает обобщенный образ его строителя — простого каменотеса, который, построив прекрасный город, воздвиг тем самым себе бессмертный памятник («Памятник каменотесу»). И. Федоров очень любил Пушкина, влияние которого ощутимо не только в использовании образов, но и в форме стиха — строгих ямбических размерах.

Но поэт-историк жил в предвоенное время. Он чувствовал надвигающиеся тревожные события, и эта тревога и предчувствие отражены в его стихах. Предвидеть войну было не так уж трудно. К концу 30-х годов она охватила уже почти всю Европу. Отношение к войне по-разному выражено у поэтов. Рядом с бодряческими стихами и песнями были произведения, полные глубокого раздумья, ощущения тех огромных трудностей и жертв, которые предстояли народу. Иван Федоров ясно представлял страшный оскал войны. В неопубликованном стихотворении «У карты Европы» для определения войны он находит очень выразительные эпитеты. Война у него «разгульная», «наглая», «ненасытная». Он срав-

нивает ее с разъяренным вепрем: подобно ему, она вгрызается в тела стран, городов, рвет их на части. Дикое, бешеное чудовище, не щадящее ничего на своем пути, — такой представляется ему война. Между прочим, это сравнение было довольно распространенным в поэзии тех лет.

Как и другие молодые поэты, Иван Федоров выражает в своих стихах готовность поколения достойно встретить любую опасность, любые трудности, готовность отдать Отчизне все, даже жизнь.

Войну он встретил на Карельском перешейке, находясь в рядах армии, куда был призван в мае 1941 года. С первых же дней он на фронте. Скупые строки писем, которые он посылал матери и жене, говорят о тяжелом солдатском труде, в них же звучит тревожное беспокойство за судьбу Родины, чувствуется мужество поэта-солдата, которое он хочет внушить своим близким.

«Эта война потребует напряжения всех сил и самое главное сейчас, — это мужественно нести бремя войны, возложенное на каждого из нас. Я уверен в конечной победе, будьте и вы уверены в том же».

«Если придется пасть, не оплакивайте меня, а стройте жизнь, боритесь с трудностями с еще большим упорством. Война кончится победой наших войск, я верю в это. Воспитай малышей простыми, честными, трудолюбивыми»¹.

Это отрывки из писем 1941—1942 годов. Последнее его письмо датировано 4 сентября 1942 года. На следующий день он погиб.

Сохранилось несколько стихотворений, написанных им во время войны. Это — строки размышлений о том народе, «который в сугробе глубоком залег предо мною врагом», рассказ о тяжелых фронтовых буднях («Минное поле», «У реки»), выражение несокрушимой веры в непобедимость своего народа, призывы к отщепеню. Он знал войну уже не по книгам, был ее непосредственным участником, поэтому такой суровой она предстает в его стихах:

*Вмерзли в землю крупами,
Храпами раздутыми
Скакуны.*

¹ Из архива А. М. Федоровой.

*И на сердце тушами,
Ледяными, лютыми
Призраки войны!*

Военные стихи Ивана Федорова очень эмоциональны: иначе он писать не мог. Они наверняка были написаны в спешке, это чувствуется по отдельным неудачным рифмам. Но в напряженные дни обороны Ленинграда трудно было найти время для спокойной творческой работы, для кропотливой отделки стихов.

К величайшему сожалению, во время блокады Ленинграда погиб основной архив Ивана Николаевича Федорова (в квартиру попал снаряд): там были стихи, заметки, черновые наброски очерков, над которыми он собирался работать.

В 1962 году вышла в свет книга стихов И. Федорова «Весна в Нежданове», первая и пока единственная. Ее подготовил к печати Б. М. Лихарев, друг погибшего поэта. Но преждевременная смерть прервала его работу над собранием и изданием других федоровских стихов.

Стихи молодых поэтов — еще одно свидетельство глубины и размаха, которых советская поэзия достигла за годы войны. И дело не только в том, что все виды поэтического оружия участвовали в справедливейшей из войн. Это было время расцвета подлинно гражданской поэзии, творчества, где лирические и публицистические начала представляли единое целое. Это была целая эпоха в развитии советской литературы, где молодежь, как и в сражениях, была на передовых позициях.

Чтобы подробно рассказать о молодых поэтах, погибших во время Великой Отечественной войны, наверное нужно написать большое исследование. Все они заслужили это. В ноябре 1941 года погиб вместе со своим кораблем Алексей Лебедев, под Невской Дубровкой сражен Михаил Троицкий, в первые дни войны пал в бою Борис Смоленский, за несколько недель до победы убит Борис Костров. Этот список, если его продолжить, получится очень длинным.

Родина не забыла эти имена. Стихи павших поэтов —

¹ Из архива А. М. Федоровой.

снова в строю. В них говорится о разном и написаны они по-разному, но их объединяет одно: они учат нашего молодого современника любить жизнь, думать о людях, а главное — любить свою великую страну так же самоотверженно, как любили они.

Вот почему и память о погибших в расцвете сил и творчество их так дороги каждому из нас. Книги их издаются. С годами у них становится все больше читателей.

Молодость не погибла! Она продолжает жить в стихах.

Духан Яков Семенович

«МОЛОДОСТЬ ЖИВА!»

(Тем. план 1970 г., № 36)

Научный редактор, кандидат филологических наук *М. Ф. Пьяных*

Редактор *В. В. Николаева*

Обложка *А. И. Чурбакова*

Технический редактор *Е. П. Арзамасцева*

Корректор *Т. М. Манохина*

М-35706 Сдано в набор 19/1-70 г. Подписано к печати 22/IV-70 г.
Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 1,25 (Усл. печ. л. 2,1) Уч.-изд. 2 л.
Бумага тип. № 3. Тираж 20 000 экз. Заказ № 498 Цена 6 коп.

Ленинградская организация общества «Знание» РСФСР
Ленинград, Д-104, Литейный пр., 42

Типография № 4 Управления по печати Ленгорисполкома, г. Пушкин

Ленинградская организация общества «Знание» РСФСР выпускает научно-популярные брошюры на различные темы.

В 1970 году выйдут в свет:

Ф. М. Аржанов. Начало ленинского этапа в развитии марксизма.

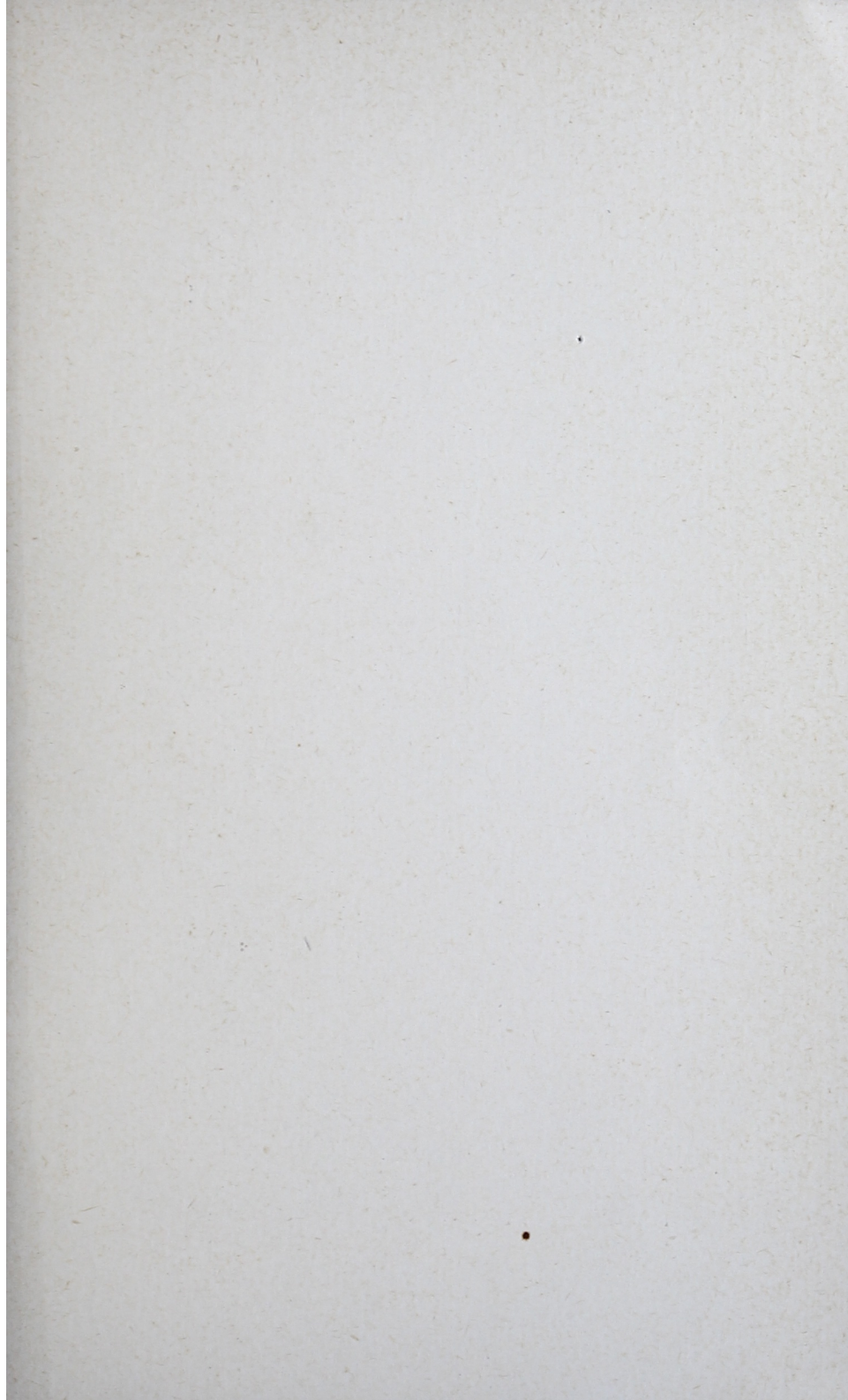
В. П. Рожин. В. И. Ленин и проблемы материалистической диалектики.

Б. М. Хромов. Лазеры в медицине.

Н. И. Молчанов и В. А. Сорокин. Алкоголизм и другие наркомании.

Ю. В. Перов. Что такое социология искусства?

А. А. Юрков. Молодая смена рабочего класса.



Цена 6 коп.

